

Ольга Заикина

Волгоградский филиал НОУ ВПО

«Институт профессиональных инноваций» (Россия)

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА К. Г. ПАУСТОВСКОГО (на примере номинаций источников света)

Язык К. Г. Паустовского по праву можно назвать «алмазным». Так богато, ярко, образно и поэтично о русской природе писали немногие. В произведении «Далекие годы» Паустовский размышлял: «С русским языком можно творить чудеса. Нет ничего такого в жизни и в нашем сознании, что нельзя было бы передать русским словом. Звучание музыки, спектральный блеск красок, игру света, шум и тень садов, неясность сна, тяжкое громохание грозы, детский шепот и шорох морского гравия. Нет таких звуков, красок, образов и мыслей – сложных и простых, – для которых не нашлось бы в нашем языке точного выражения». Рассмотрим особенности стиля и языка К. Г. Паустовского на примере языковой картины источников света в творчестве писателя.

Изучив способы номинации небесных светил, мы пришли к выводу, что излюбленным приемом К.Г. Паустовского являются сравнение и метафора, основанные на вторичной лексической номинации, то есть «использовании уже имеющихся в языке средств в новой для них функции наречения» [3, с. 129]. Формирование смысла нового наименования протекает либо под непосредственным воздействием смыслового содержания другого наименования, либо опосредовано через «предшествующее» значение слова, те или иные признаки которого играют роль внутренней формы, переходя в новое смысловое содержание. Связь с семантикой знаков первичной номинации поддерживается двойной референцией слова, употребленного в переносном значении. «Это выражается в том, что в языковом сознании большинства членов культурно-языкового сообщества такое слово соотносится с двумя предметами мысли: первичным, основанном на предметно-перцептивном познании действительности, и вторичным – продуктом ассоциативно-символического мышления» [1, с. 13]. При этом, как справедливо замечает ученый, «при вторичной номинации первичный предмет знакообозначения полностью не исчезает», а «остается как бы на втором плане и, создавая эффект «совмещенного видения двух картин», обеспечивает переносно-словоупотреблению метафорическую образность».

Метафоры и сравнения принято классифицировать в соответствии с особенностями их содержания [2, с. 21]. Одним из направлений се-

мантической классификации метафор является описание способов выражения основного и вспомогательного субъектов сравнения. Проанализировав возможные способы выражения вспомогательного субъекта сравнения, мы пришли к выводу, что в основу сравнения кладется или сопоставление с самими источниками излучения, или со светом, отражаемым либо продуцируемым им. Семантические признаки, свойственные источникам света, и, соответственно, вспомогательному субъекту метафоры, образуют параметр сопоставления. К таким признакам можно отнести форму, цвет, блеск, движение и функцию.

По признаку формы, круглой или серповидной, луна, месяц и солнце в творчестве Паустовского сравниваются с плодами, головными уборами, шаром, орудиями труда. Например: «Над путями всходила луна – оранжевая и зрелая, как исполинский апельсин» («Приморские встречи»; луна по округлой форме и цвету сравнивается со зрелым апельсином), «Она [музыка] ... звала за собой в ту страну, где никакие горести не могли охладить любви..., где солнце горит, как корона в волосах сказочной доброй волшебницы» («Корзина с еловыми шишками»; солнце по круглой форме и блеску уподобляется короне волшебницы); «В чистом небе над осокориями стояла луна, убранная, как невеста, розовыми венцами» («Теплый хлеб»; венец – украшение округлой формы, которое носят на голове), «Раскаленный шар солнца опускался в редкий сосновый лес за рекой Саном» («Беспокойная юность»).

Вспомогательным субъектом сравнения при обозначении ночного светила серповидной формы очень часто выступают серп и рог: «... заброшенные дороги – в их колеях, налитых дождем, отражался в сумерках серп месяца, – этот удивительный воздух и всегда немного печальные русские закаты» («Повесть о лесах»), «Молодой нежный месяц, будто забытый жницей серп, лежал на синем пологие ночи» («Шиповник»; месяц в первой четверти, имеющий серповидную форму, сравнивается с серпом для жатвы); «Несмотря на ясное утро, в небе еще висел тонкий рог месяца» («Пробуждение моря»; месяц серповидной формы – рог животного). Заметим, что метафоры и сравнения с лексемами *рог* и *серп* являются общеязыковыми и самыми частотными в сфере наименований луны и месяца, например: серп поднебесный (лунный /Вяч. Иванов, М. Цветаева/, холодный, волшебный, серебристый /А. Ахматова, М. Цветаева/). Проиллюстрируем на примерах: «Вонзились шпоры в увлажненный мох: Лежат неподвижно, и месяца рог Над ними в блистанье кровавом» (А. Пушкин), «Тонкий рог луны купал свои стрелы в черной воде Тетерева» (И. Бабель).

В языковой картине мира К. Г. Паустовского лучи света уподобляются жидкости, которой может быть вода, мед. Проиллюстрируем данное утверждение: «Медуница пахла так сильно, что солнечный свет, затопивший рязанские дали, казался жидким медом» («Золотой линь»; солнечный свет по цвету, блеску и консистенции напоминает потоки меда), «Выцветшая ночь разливала по каюте свет, как бледную воду» («Озерный фронт»). По форме и характеру блеска с каплей воды в творчестве К. Г. Паустовского часто сравниваются звезды: «На золотеющем краю неба горела, как капля серебряной воды, последняя звезда» («Шиповник») или «Едва заметно, будто капли серебряной воды, блестели первые звезды» («Последний фронт»). Заметим, что сравнение с медом и с каплей являются типичными для русских поэтов и писателей. Сравним: «И серп поднебесный желтее, чем липовый мёд» (А. Ахматова) или «и в черной чаще небосвода / как золотая капля мёда, / сверкает сладостно луна» (В. Набоков).

По характеру блеска, цвета и прозрачности источники света часто сопоставляются с драгоценными камнями, металлами и украшениями. Золото выступает вспомогательным субъектом сравнения в сопоставлениях с луной, месяцем, солнцем: «Они [косяки журавлей] уверенно и мерно шли на юг, где солнце играло трепещущим золотом в затонах Оки...» («Наедине с осенью»), «Сумрак ночи еще лежал над городом. Но в окнах слабой позолотой уже занимался северный рассвет» («Корзина с еловыми шишками») или «Над пустошами, над порубками и болотами поднималась заржавленная луна» («Озерный фронт»; луна по цвету сравнивается с ржавым железом).

Довольно частотным параметром сравнения выступает оценка. Например: «Ты как солнце, – говорил ей Григ. Ты – белая ночь с ее загадочным светом. Ты – счастье, ты – блеск зари» («Корзина с еловыми шишками»; женщина сравнивается со светом сразу нескольких источников излучения) или «В чистом небе над осокорями стояла луна, убранная, как невеста, розовыми венцами» («Теплый хлеб»; луна – невеста).

Достаточно часто в русском языке, особенно в творчестве отдельных художников слова, источники света (по ряду различных признаков) сравниваются с живым существом, которым может быть человек, птица, животное, насекомое, какое-либо мистическое существо. В творчестве Паустовского излюбленной анималистической метафорой является сравнение с насекомыми, а именно с пчелами. Например: «Первая звезда задрожала и остановилась в небе, как золотая пчела, растерявшаяся от зрелища осенней земли, плывущей под ней глубоко и тихо» («Черное море»), «Звезды медленно роились над головой» («Разливы рек»;

скопление звезд на небе напоминает писателю рой пчел), «Дым звезд роился над береговыми утесами» («Черное море»). Сравнение звезд с пчелами можно назвать традиционным в русском литературе, сравним: «Гляньте-ка, гляньте-ка, ребята, – раздался вдруг детский голос Вани, – гляньте-ка на божьи звездочки, – что пчелки роятся!» (И. Тургенев «Бежин луг»).

Нередко в языковой картине мира К. Г. Паустовского свет и блеск одних источников излучения передается через уподобление с другим. Мотивационный ряд выглядит следующим образом: луна, месяц сравниваются со звездами, лампой, лампадой, метеором, свечой, факелом; звезды – с лампадками, маяками, свечами; солнце – со свечками. Проиллюстрируем данное утверждение: «Низко в небе вздрагивал огонь звезды» («Разливы рек»), «День быстро угасал. На смену ему шла тишина ночи со слабым заревом звезд» («Разливы рек»), «Щербатова вошла в избу, оставила открытой скрипучую дверь, и звездный свет сиял за дверью, как синяя голубая зоря» («Разливы рек»). Кроме того, перед глазами наблюдателя проходит медленный процесс возгорания: сначала звезды, зори, луна дымятся, потом разгораются, пылают и полыхают пожаром. Например: «Дым звезд роился над береговыми утесами» (метафорический процесс возгорания звезд) или «... звездный свет сиял за дверью, как синяя голубая зоря».

Как многие явления языка, метафора может быть описана с точки зрения ее внешней структуры, характера составляющих ее элементов: слова-параметра (которое также именуется агентом, термином сравнения) и слова-аргумента (опорное слово, синтаксически ключевое слово, микроконтекст).

Известна структурная типология метафор по наличию/ отсутствию опорного слова, предложенная Ю. И. Левиным, и классификация по количеству единиц носителей метафорического образа или по степени развернутости знака-носителя образа В. П. Москвина [2, с. 71].

По наличию / отсутствию опорного слова различают метафору-сравнение или замкнутую метафору, то есть единицу, в которой присутствуют и слово-параметр, и слово-аргумент, и метафору-загадку (незамкнутую метафору, по Ю. И. Левину, или симфору, по А. П. Квятковскому), отличающуюся от первого типа отсутствием опорного слова, которое выполняет функцию «отгадки». Как правило, носитель языка довольно легко воспроизводит опущенное слово в метафоре-загадке благодаря широкому контексту, окружающему ее, однако в ряде случаев умение расшифровать метафору зависит от интеллектуального уровня развития, жизненного опыта носителя языка.

В языковой картине мира К.Г. Паустовского метафора-сравнение очень частотна, составляет 90% от общего числа метафорических обозначений света. К примеру: «Дым звезд роился над береговыми утесами» (слово-параметр – дым, слово-аргумент – звезд), «Раскаленный шар солнца опускался в редкий сосновый лес за рекой Саном» (слово-параметр – шар, слово-аргумент – солнце).

По степени устойчивости связей между компонентами замкнутой и незамкнутой метафоры в языковой картине мира К. Г. Паустовского выделяются только свободные метафоры: рог месяца, серп луны (месяца), шар солнца, золото луны / солнца, фразеологизированные же, устойчивые метафорические перифразы (царица ночи / небес (о луне), небесные лампадки (звезды), серп поднебесный (о месяце), розовая лента (о заре), о солнце – золотая колесница), нами не выявлены.

По количеству единиц-носителей метафорического образа, или в зависимости от степени развернутости знака-носителя образа, различают метафору простую, в которой всего одно слово является носителем метафорического образа, и метафору развернутую (или цепочку метафор), в которых носителем одного метафорического образа является группа тематически связанных слов. Для творчества К.Г. Паустовского, как показывает наблюдение, характерны как простая метафора, так и развернутая. К примеру: «... заброшенные дороги – в их колеях, налитых дождем, отражался в сумерках серп месяца, – этот удивительный воздух и всегда немного печальные русские закаты» («Повесть о лесах»; простая метафора, знак-носитель образа представлен одним словом – серп), «Несмотря на ясное утро, в небе еще висел тонкий рог месяца» («Пробуждение моря»; простая метафора, знак-носитель образа реализован в одной лексеме – рог), «Молодой, нежный месяц, будто забытый жницей серп, лежал на синем пологие ночи» («Шиповник»; образ ночного светила серповидной формы передается группой слов). По числу лексем-«звеньев», образующих метафорическую цепочку, можно выделить двучленные, трехчленные и т. д. метафоры. Например: «Сумрак ночи еще лежал над городом. Но в окнах слабой позолотой уже занимался северный рассвет» («Корзина с еловыми шишками»; пятичленная метафора) или «Она [музыка] ... звала за собой в ту страну, где ... солнце горит, как корона в волосах сказочной доброй волшебницы» (восьмичленная развернутая метафора).

По функции все рассматриваемые нами средства вторичной номинации являются образными. Данная метафора описывалась еще древними ораторами как принадлежность художественной речи, ее целью явля-

ется образное отражение действительности, образная интерпретация знакомых, привычных объектов, подчеркивание их индивидуальности. В этом случае объект обретает два наименования: прямое (первичное) и образное (вторичное), приглашающее к особому, как бы «удвоенному» видению мира. Образная метафора всегда индивидуальна, и исследуемый материал постоянно доказывает данное утверждение. Стоит только сравнить метафоры двух разных поэтов (а иногда и одного), и каждый раз мы будем видеть новый образ, индивидуальный и неповторимый.

Прямое наименование предметов и явлений действительности, как правило, не вызывает осложнений в процессе коммуникации, поскольку прямая лексическая номинация «есть всегда процесс обращения факторов действительности в знаки и достояние людей путем обращения факторов действительности в факты системы языка, в значения и категории, отражающие общественный опыт носителей языка» [4, с. 8]. Первичная лексическая номинация всегда нейтральна и самостоятельна. К примеру: «Далеко в разрыве мягких туч светило широкими лучами солнце», «От мелодических волн на облаках появилась легкая рябь. Сквозь нее светили звезды», «Мутные звезды светились в небе над Сивашом...».

«Русский язык открывается до конца в своих поистине волшебных свойствах и богатстве лишь тому, кто кровно любит и знает «до косточки» свой народ и чувствует сокровенную прелесть нашей земли», – К.Г. Паустовский.

Обобщая сказанное выше, представляется важным заметить, что обучение русскому языку как родному, так и иностранному необходимо проводить на основе лучших образцов русской прозы, автором которых является тонкий знаток русского языка К. Г. Паустовский.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Academia, 2002. – 392 с.
2. Москвин, В.П. Русская метафора. Семантическая, структурная, функциональная классификация / В.П. Москвин. – Волгоград: Перемена, 1997. – 92 с.
3. Телия, В.Н. Вторичная номинация и ее виды / В.Н. Телия // Языковая номинация: Виды наименований. – М.: Наука, 1977. – С. 129–169.
4. Уфимцева, А.А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) / А.А. Уфимцева // Языковая номинация: Виды наименований. – М.: Наука, 1977. – С. 8–79.